

Посвящаю эту статью Эльвине Якобсон, в доме которой я несколько раз останавливалась в селе Эстонка в 1980-х годах.

Во время колонизации Черноморского побережья Кавказа в регионе поселились мегрелы и другие грузинские племена из соседних уездов, а также православные греки, армяне и др. из Османской империи. Должностные лица грузинской национальности хотели переселить в регион соотечественников, страдающих из-за нехватки земельных участков, а некоторые чиновники предпочитали переселенцев других национальностей. В 1864 г. началась миграция безземельных крестьян из Мегрелии. В 1866–1867 гг. в Абхазии были основаны первые небольшие поселения болгар и греков. Вскоре прибыли эстонцы, немцы и латыши, в основном лютеранские экономические мигранты.

Эстонские поселения были основаны вокруг Сухума и в районе между Гагрой и Адлером. Эстонка (или иначе Estonia), заселенная первой из них, была расположена на правом берегу реки Кодор у подножия гор Большого Кавказа, в двадцати километрах от Сухума в сторону Тбилиси. Район входил в состав Гумистинского участка Сухумского военного округа Кутаисской губернии.

Эстонка была основана в 1882 году эстонцами из Самары, а позже к ним присоединились мигранты из Крыма и Эстонии.

Якоб Пинт писал о миграции своих предков из Эстонии в Самару примерно в 1864 г.

Его дедушка Адам Пинт из Тартуского уезда вместе с другими послами отправился в Санкт-Петербург, чтобы получить разрешение на переселение. За такие действия крестьян подвергали телесным наказаниям по возвращении домой. Спустя 30 лет, будучи уже состоятельными мужчинами на Кавказе, бывшие самарские эстонцы с горечью вспоминали, как они покидали Эстонию: «Мы должны были бежать в полночь, но самыми несчастными были пославшие нас в путь. Они были наказаны и высечены плетьюми 30 раз». В то время эстонскими крестьянами правили немецкие помещики.

После двадцати лет жизни в Самаре эстонцы устали от метелей на просторах и от долгих поездок в город. К тому же регион страдал от неурожая в течение нескольких лет. Основной причиной, однако было получение новой земли, не облагаемой налогом.

Они стали переезжать в Сибирь, Башкирию, Уфимскую губернию и на Кавказ.

Самарские эстонцы почерпнули информацию о переселении на Кавказ из газетных статей «Kaukaasia kirjjad» — «Кавказские письма» Иосепа Роберта Резольдта, учителя гимназии, проживавшего в Тифлисе. К колонизации Абхазии призывали и представители других

народов. Грузинский общественный деятель и педагог Якоб Гогебашвили опубликовал в 1877 году в газете «Тифлисский вестник» статью «Кем заселить Абхазию?» По его мнению, мегрелы жившие по соседству были наиболее подходящими новоселами для Абхазии.

Эстонские первопроходцы сначала выбрали участок земли рядом с Сухумом — в местечке Абжаква, но это не удовлетворило 27 семей, прибывших из Самары в мае 1882 года. Им нужна была ровная земля, и в качестве нового места был выбран берег реки Кодор. Только 10 из 27 семей стали основателями села Эстонка, остальные вернулись в Самару разочарованными.

Колонисты стали арендаторами государственных земель, которым первоначально было предоставлено 10 лет освобождения от налогов, период, который позже был продлен еще на 10 лет.

Ближайшее абхазское село располагалось за рекой Кодор. С 1877 г. абхазы считались «виновным населением» в Российской империи и не допускались к проживанию вблизи Сухума. Они были подавлены царским правительством после антиколониальных восстаний 1866 и 1877 годов. На правом берегу Кодора царское правительство установило буферную зону из колонистов разных национальностей и конфессий.

Эстонские поселенцы стояли лагерем на берегу реки Кодор, пока колониальный правительственный чиновник не подъехал верхом и не показал рукоятку кнута границы села. Поселение граничило с молдавским селом Дранда, мегрельским селом Пшап и русско-болгарским селом Владимировка. Эстонцы это свое село называли — Эстония.

Потом начали отмеривать дворовые участки для семей. Каждая семья, на выделенном ей участке, расчистила часть леса, чтобы можно было поставить ящики и мешки с вещами, взятыми с собой. Из Самары привезли инструменты, одежду, продукты и т. д., многие необходимые вещи купили в Сухуме.

Деревня была построена в лесу, где, кроме папоротника, росли ольха, ореховые и дубовые деревья, бук и др., которые в большей части были сожжены. Были сохранены только распоряжению властей только деревья грецкого ореха. Кое-где росли оставленные абхазами яблоневые, грушевые, инжирные деревья, лозы винограда и т. д.

При расчистке земельных участков производилось сожжение деревьев и другой растительности, то есть применялся метод подсечно-огневого земледелия. Чтобы передвигаться в лесу, нужно было расчищать путь кустовым ножом.

В первый год поселения огонь горел здесь и там непрерывно в течение всего года, в результате чего пахотные земли обогатились золой. Лес можно было сколько угодно сжигать и унич-

ГРЕЧЕСКИЙ СУХУМСКИЙ

ВЪСТНИКЪ

#201

Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис
исследователь-сухумовед, e-mail: elsuhum@yahoo.com
Автор статьи: Марика Миккор

НА БЕРЕГУ РЕКИ КОДОР У ЭСТОНИКИ. ФОТО: МАРИКА МИККОР, 1997 Г.

ОСНОВАНИЕ СЕЛА ЭСТОНКА НА БЕРЕГУ РЕКИ КОДОР В КОНЦЕ ЦАРСКОЙ ЭПОХИ

тожать, но продавать его пока не разрешалось, хотя за него можно было бы получить хорошую цену. Там, где ореховых деревьев было меньше, в поле были оставлены другие фруктовые деревья: инжир, яблоны и т. д., оставшиеся от абхазов, как для пищи, так и как укрытие.

Позже было получено разрешение на продажу части ореховых деревьев. Древесину грецкого ореха вывозили за границу, где из нее делали фанеру, а потом часть ее выкупали обратно в Россию в виде фанеры за большие деньги.

При первой такой сделке деньги получил каждый владелец. Поскольку деревья грецкого ореха присутствовали не на всех участках в равной степени, во второй раз деньги, вырученные от их продажи, пошли в пользу общины.

Деревья грецкого ореха были памятью о коренных жителях, они росли исключительно в бывших поселениях. Спустя сто лет в одной эстонской деревне мне рассказали, что некоторые домохозяйки ежедневно добавляют в пищу грецкие орехи. О том, что они такие ценные, гласит старое высказывание устами Эльвины Якобсон: «Хоть кожаную обувь поджарь с грецкими орехами — будет вкусно». Сегодня грецкие орехи являются всемирно известным суперпродуктом.

Во всех кавказских колониях переселенцы использовали плоды оставленных коренными жителями плодородных деревьев в пищу и на продажу. В трудах Кавказского отдела Императорского Русского географического общества в сведениях из Причерноморской губернии описывается, как переселенцы разного происхождения вступали в конфликты друг с другом при сборе черкесских фруктов и орехов.

В Эстонке были построены временные хижины для проживания, трое самых состоятельных хозяев купили в соседней

деревне готовые дома, которые перевезли на свой участок, установили в них печи и обустроили их для проживания. Зимой они к себе в дом впускали и других соотечественников. Первые поселенцы держались вместе и помогали друг другу. Изначально это была небольшая община старых знакомых.

Вскоре после прибытия на новое место жительства люди стали заболеть малярией. Посланный в деревню фельдшер для лечения от нее раздавал бесплатную хинин. Тем не менее, многие люди умерли от малярии. Кодорская долина была более опасным местом в плане распространения малярии, чем район Линды. Однако переселенцам Линды, прибывшим из Эстонии в 1884 году, спастись было не легче, так как они были менее финансово обеспечены и менее опытыны в качестве колонистов.

Первый посев был произведен в Эстонке весной 1883 года. С самого начала основное внимание в Эстонке уделялось выращиванию кукурузы. Был посажен картофель и посеяны овощи (фасоль, тыква и морковь), а также небольшое количество пшеницы, ячменя и ржи.

Новую землю нельзя было вспахать плугом из-за больших корней деревьев. Между корнями проделывали мотыгами или полевыми топорами небольшие лунки, куда сеяли кукурузу. Так как расчищенный участок земли изначально был небольшим, урожай засевали вокруг избы или дома.

В первые годы кукуруза давала отличный урожай. Говорили, что если человек набивал свои карманы семенами кукурузы для их посева с применением мотыги, и у него было достаточно расчищенной земли, то он получал с нее хлеба на целый год.

К осени 1883 года у первых поселенцев были готовы дома. На деньги, вырученные от продажи первой кукурузы, уже были

куплены оконные стекла и печные камни. Дома были построены на сваях немного выше земли из-за влажности. Строительство также зависело от личных способностей и умений каждого. Были достроены и хозяйственные постройки: сараи и амбары.

Хотя бывшее абхазское поселение еще до прихода эстонцев заросло лесом, при обработке земли эстонцы, помимо плодовых деревьев, обнаруживали и другие признаки жизнедеятельности прежних хозяев местности. Винные сосуды бывших жителей находили в земле. Якоб Пинт вспоминал: «По абхазскому обычаю, каждому ребенку в день рождения кладут в землю кувшин с вином, который должен оставаться там до дня свадьбы или смерти. Вино не принимается к употреблению в другое время, кроме назначенного дня. Вот почему спустя много лет из покинутых родных мест абхазов сосуды с вином попали на пробу в руки эстонцев. Говорили, что это вино стало густым, и его пили, смешав с водой, в вине было очень много алкоголя, и пьяницы напивались, выпивая маленький стаканчик.»

Кто именно жил на этой земле ранее и какова их судьба, были ли они убиты или бежали в Османскую империю, колонистам не было известно. В середине 1990-х, после грузино-абхазской войны, Эстонка стала называться Допуакыт, то есть было восстановлено первоначальное название 19 века.

Колониальные чиновники выделяли мигрантам земли бывших коренных жителей, но они порой и сами не владели точной информацией, где именно проходили границы того или иного поселения. Однако, когда непроходимые леса были объявлены пригодными для колонизации, именно следы прежнего заселения имели решающее значение, такие например, как плодовые деревья, груды камней, нагро-

ХОР. В ПЕРВОМ РЯДУ СПРАВА ЯКОБ МИХКЕЛЬСОН. ЭСТОНКА. НАЧАЛО 1890-Х ГГ.

можденные при расчистке земли возле бывших полей.

На эстонских колонистов нападали медведи, кабаны и угонщики скота. Дикие кабаны приходили на поля и ночью и днем целыми стадами, поедая все. А медведи появлялись по ночам один за другим. Для отпугивания медведей использовалась гремучая жестяная посуда. Для защиты от диких зверей переселенцам были выданы крымские военные ружья, на деревьях построили крытые площадки, где они несли ночное дежурство и хлопали, бряцали и стреляли из ружей. Медведей и кабанов отстреливали прямо на улице села, таким образом, получая ценную дополнительную пищу. Жители Нижней Линды вспоминали, что в первые годы существования села мясо диких животных, в том числе медвежье, ели круглый год, его солили, коптили и сушили на солнце.

В ноябре 1883 г. Эстонку посетил Фердинанд Хёршельманн (Ferdinand Hörschelmann), пастор немецкой лютеранской общины в Тифлисе. Он провел религиозную службу и привел людей к причастию в доме Густава Суйтса. Хёршельманн был немцем, но свободно говорил по-эстонски, и люди относились к нему хорошо. Во время своего следующего визита пастор позаботился о том, чтобы эстонцы каждое воскресенье устраивали церковные службы лютеранским сельским жителям и занимались обучением детей. Богослужения, похороны и крещения совершали наиболее важные и компетентные поселенцы.

Большинство эстонских поселенцев были лютеранами, и власть в поселениях была в их руках. Они же написали большую часть газетных сообщений и мемуаров, и сельское самоуправление возглавляли лютеране. Таким образом, часто создавалось впечатление, что все эстонцы были лютеранами. Но были и православные эстонцы. Они также сами совершали крещения и отпевания.

Православные эстонцы также сами совершали крещения и отпевания. В 1901 г. эстонская газета «Uus Aeg» сообщила: «Более двухсот душ православных эстонцев вот уже 17 лет живут в Абхазии, но никакого отношения к церкви, кроме венчания, не имеют. /--/ Лет десять назад они пришли к здешнему епископу просить, чтобы им рукоположили священника, понимающего по-эстонски. Епископ приказал написать заявление, что они и сделали, но их прогно-

зировали. Их дети ходят в лютеранскую школу, где учатся читать и писать, но не знают религиозных учений. Церквей довольно много, но из-за отсутствия языка им приходится держаться подальше от них. В церкви города Сухума несколько священников; желательно, чтобы туда был назначен священник, понимающий эстонский язык, это было бы лучше, потому что эстонцы живут по обеим сторонам города».

На Кавказе некоторые православные эстонцы даже обратились в лютеранство. И это несмотря на то, что вокруг жили православные христиане. В царское время эстонские колонии были в какой-то степени закрыты лютеранскими культурными островками.

Весной 1884 г. было избрано сельское самоуправление: сельский староста, три судьи и писарь. Первым сельским старостой стал Антс Майтус, садовник из Крыма. В конце лета Майтус умер, на его место был избран Пеэтер Пинт из Самары. В том же году на участке Пеэтера Пинта государство построило большой деревянный казарменный дом с шестью комнатами, где новые мигранты нашли свой первоначальный приют. Этот амбар стал первым лютеранским молитвенным домом в следующем году, когда в другом конце амбара был построен молельный зал.

В 1884 г. новые эстонские поселенцы стали массово заселять окрестности Сухума. Тогда же была основана и деревня Линда в том же месте, где находилась Абжаква. Среди новых колонистов из Крыма в Эстонку прибыли многодетные семьи Аунер, Труман, Кала и Лийв. Прибыли и менее обеспеченные колонисты из Эстонии и молодые люди, которые хотели избежать военной службы. В 1884 году в Эстонке было более 100 семей. Людей прибывало все больше и больше, но и уезжало также немало. Согласно переписи по всему Сухумскому округу (Абхазии) в 1884 году эстонских семей было более 400. 113 из них проживали в Эстонке, а остальные располагались в новой деревне Линда, основанной в том же году, и в Сальме, появившейся под Адлером.

Население колонии изначально было разнообразным, начиная с зажиточных семей из Самары (одна из которых привезла личную библиотеку с тысячей книг), и заканчивая семьей Андреса Пусса из Пярнумаа, пришедшего пешком с женой и 4-мя детьми через Россию, перевоза некоторые вещи и маленьких детей в ручной тележке. Причиной

переселения к Черному морю являлся тот факт, что всех привлекала беспопытная арендная земля. Самарским поселенцам нравились леса и вода, которых им не хватало на равнинах Самары.

В 1884 г. геодезист уточнил границы села. На весь поселок было выделено 1.110 десятин земли на 110 семей и школу. Земли давали на каждую семью или взрослого мужчину, желавшего жить самостоятельно, по 10 десятин. Земля делилась на дворовые участки и пашню, а также леса и пастбища. Каждый двор имел 2 десятины. В отличие от других эстонских деревень в Абхазии, в Эстонке дворы хуторов были расположены плотно и рядами. Лес был в общем пользовании.

В 1884 г. в первый день Рождества хор, созданный Кристьяном Суитсом, впервые исполнил за богослужением две духовные четырехголосные хоровые песни: «Осанна» и «Хвалите Господа, все язычники». Это стало началом хорового пения в Эстонке.

В 1885 году эстонские газеты предупреждали, что в Сухумский уезд никто больше не может переселиться, так как закончились свободные казенные земли. Однако многие из сотен семей в Эстонке вскоре вымерли или покинули ее. В 1888 г., как утверждает, в Эстонке было около 60 хозяев. Некоторые из переселенцев у кого было по 2-3 участка, продали другим право на пользование излишней землей.

Власти, посещавшие колонии, всегда были довольны эстонцами. Для них выступал хор, а в дальнейшем и оркестр. В 1883 г. переселенцы получили ссуду от государства по 90 рублей на семью. В 1884 г., кроме муки, манной крупы и зерна, государство выделило нуждающимся колонистам еще 32 коровы из Кубанского уезда. (В мемуарах селян утверждалось, что в муке были «черви длиной в дюйм».)

Животных отдали бедным семьям, у которых еще не было коровы. Цена каждого животного была установлена в размере 30 рублей, которые должны были быть погашены в течение нескольких лет.

В 1886 г. эстонцам были предоставлены займы лошади, цена которых исчислялась в 35 руб. за животное. Многие из них погибли. Большая часть долгов впоследствии была аннулирована «императорскими манифестами». Старожилы Нижней Линды вспоминали, что позже с рождением сына-наследника императора долги списали.

КОМПАНИЯ У ДОМА ЯНА БЕРЬЕТА. СЕЛО ЭСТОНКА.

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ДЕРЕВЕНСКИХ СТАРЕЙШИН ПЕЭТЕР ПИНТ С ЖЕНОЙ МАРИ И ДЕТЬМИ ЯКОБОМ И ЛИЙНЕ. ФОТО С.С. ФАНДЕЕВ, 1899 Г.

Сразу же после основания села мингрелы, жившие по соседству, и абхазы, жившие за рекой, начали угонять лошадей эстонцев, то есть занимались конокрадом. Власти оказывали помощь эстонцам в поимке воров. С деревень, куда вели следы пропавших лошадей, требовали 2-х и 3-х кратную цену, но эти деньги пострадавшим не достались.... На самом деле, в большинстве случаев, воры не были пойманы.

Общаясь с представителями других национальностей, эстонцы изначально контактировали, в основном, с официальными лицами русской и грузинской национальности. Коренные жители края, абхазы, враждебно относились к колонистам.

С другой стороны, к представителям царского правительства абхазы относились более негативно, чем к поселенцам. Человек, побывавший в Сухумском уезде в 1887 г., писал об их отношении следующее: когда он спрашивал у них по-русски дорогу в эстонскую колонию, ему не давали указаний, когда он спрашивал по-эстонски, ему указывали правильное направление.

У эстонцев были более доброжелательные контакты с другими колонистами, с близкими к Эстонке болгарскими и молдаванами. Общение осложнялось

тем, что в то время турецкий язык был языком общения между народами, жившими ранее в Османской империи, но эстонцы этого языка не знали. Языковой барьер усугублялся религиозными различиями, поэтому сначала общение с православными соседями в деревнях было незначительным.

В 1886-1887 гг. фонд помощи евангелическо-лютеранской общине Российского государства оказал помощь эстонским и немецким деревням региона в строительстве школ-молельных домов и найме кистер-учителей.

В 1887 г. было завершено строительство школы-церкви Эстонки. Ян Килк, Пеэтер Пинт и Юри Корбманн внесли наибольший вклад в строительство здания школы. Строительство обошлось в 1000 рублей, из которых 200 дал фонд помощи, 200 было взято займы у русского православного монастыря в Дранде, а остальное пожертвовали жители села. В здании школы был класс, который одновременно являлся и молитвенным залом, 2 жилых помещений для учителей, кладовая, кухня и коридор. Так как школа была еще и молитвенным домом, то, кроме скамеек, парт и доски, были предусмотрены алтарь, кафедра и орган, а во дворе позже была возведена колокольня.

Продолжение следует.